Валерий Иванович Коваленко,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), e-mail: rospolit.msu@mail.ru

СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению причин, характера и исторических уроков революции 1917 г. в России. Эти проблемы спустя столетие не только продолжают сохранять свою актуальность, но оказываются в центре современных теоретических и политических дискуссий. Несмотря на множественность конспирологических трактовок русской революции, определяющим в понимании ее смыслов остается выявление ее объективной обусловленности, системы противоречий, логики политического процесса в стране, характера представлений ведущих политических сил о путях решения назревших политических и социальных преобразований, что и было причиной ее острого и драматического протекания. При всей неоднозначности исторических следствий русской революции она стала подлинно эпохальным событием, оказавшим огромное влияние на судьбы не только России, но и мира в целом.

Ключевые слова: *революция, политический процесс, общедемократическая альтернатива, правая и левая диктатура, социализм.*

Valeriy Ivanovich Kovalenko,

Doctor of Philosophy, Professor and Head, Russian Policy Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University (Russia), e-mail: rospolit.msu@mail.ru

**THE CENTENNIAL OF THE 1917 REVOLUTION
IN RUSSIA**

This article offers an analysis of the reasons, character and historical lessons of the 1917 revolution in Russia. A century after the fact, these issues not only remain relevant, but are in fact at the center of current theoretical and political discussions. Despite the multiplicity of conspiratorial interpretations of the Russian revolution, the defining factor in understanding its meaning remains the identification of its objective conditions, systemic contradictions, the logic of the political process in the country, and the nature of the ideas held by the leading political forces of ways to reconcile the nation's pressing political and social transfigurations. This was the reason for the revolution's abrupt and dramatic course. Despite all the ambiguity of the historical consequences of the Russian revolution, it became a truly

epoch-making event that has had a tremendous impact on the destiny not only of Russia, but of the entire world.

Key words: *revolution, political process, general democratic alternative, right and left dictatorship, socialism.*

Как любое эпохальное событие, революция 1917 г. в России, конечно же, не может не рождать многообразных дискуссий, столкновения подчас полярных мнений и оценок ее исторического значения. В центре этих дискуссий оказываются вопросы: одна это революция или две? В чем причины краха Февральской республики? Осуществил ли Октябрь прорыв в новое цивилизационное измерение или, напротив, загнал страну в исторический тупик? В чем вообще историческое значение и смысл этой революции? На чем основывали свою логику большевики, искренне убежденные марксисты, идя на свершение пролетарской революции в стране, где согласно всем канонам материнской доктрины и их неоднократным собственным констатациям материальные и культурные предпосылки утверждения социализма еще не сложились? И многое другое. Формат настоящей статьи позволяет нам остановиться только на нескольких вопросах.

Первый из них: был ли Октябрьский переворот воплощением некоей «демонологии истории», следствием беспринципного популизма большевиков и даже — в крайних своих выражениях — исполнения планов германского генштаба? Или он — закономерное (во всяком случае, ожидаемое) выражение логики политического процесса в стране и мире, нацеленной на решение определившихся к тому моменту острейших политических и социальных противоречий?

Признавая небесполезность конспирологических трактовок политического процесса в отношении некоторых частных его моментов, тактических приемов, которые, безусловно, имеют место в деятельности различных его субъектов¹, подобного рода объяснительные конструкции категорически неприемлемы применительно к глубинным измерениям политических событий. Радикализм русской революции 1917 г., территория его смыслов не могут быть рассмотрены вне системы вызовов и потребностей, вполне четко определившихся к началу XX в.

¹ Так, безусловно, в своем дальнейшем и взвешенном изучении нуждаются такие, к примеру, вопросы, как «германские деньги», «масонский след» в революции, «заговор генералов» и его роль в отречении Николая II, проблема самой легитимности этого отречения, смысл и характер переговоров А.Ф. Керенского и Л.Г. Корнилова в августе 1917 г. (и интерпретации этих переговоров их посредниками — прежде всего Б.В. Савинковым и В.Н. Львовым), и др. В изучении, тем более важном, ибо в научной и околонаучной литературе по всем этим поводам высказываются подчас полярные точки зрения, многие из которых, к сожалению, диктуются духом сенсационности и весьма далеки от потребностей объективности в историческом анализе.

Если Великая французская революция, ставившая своей задачей сбросить оковы абсолютизма, на первый план закономерно выдвинула концепты политической свободы, гражданского раскрепощения общества, то последующие времена жестко поставили во главу угла задачи перехода к новому качеству социальной жизни, коренного переворота в социальных отношениях, утверждения в жизни принципов социальной справедливости. Логика политического процесса в России в 1917 г. выдерживалась именно в этом направлении. И если не рассуждать об Октябрьском перевороте в стилистике «сегодня рано, завтра поздно», то, думаем, можно определенно усмотреть в нем попытку воплотить строй вполне назревших ожиданий и представлений.

Более того, русскую революцию в этом смысле правомерно рассматривать не только в качестве звена в системе меняющихся траекторий общественного развития, но и как мощный катализатор этого процесса. Английский историк Эрик Хобсбаум в своей книге «Век экстрима», характеризуя общий комплекс событий, связанных с Первой мировой войной, включавших в том числе и русскую революцию, говорил о них как о явлениях, которые дали столь мощный толчок экономической и социальной трансформации мира, что это полностью поменяло лицо человеческой цивилизации². Теодору Драйзеру принадлежат еще более определенные слова: всей системе социального законодательства 1930-х гг. («Новый курс» президента Ф.Д. Рузвельта) Соединенные Штаты целиком обязаны Советскому Союзу. Шведская модель социализма тоже, кстати, начала свой разбег как ответ и на накапливающиеся противоречия, и на вызов, брошенный Советской Россией. И в этом смысле русскую революцию с ее пиком — Октябрем можно вполне обоснованно характеризовать как закономерную и прорывную часть в системе исторических задач утверждения социального государства на базе новых экономических отношений.

Выделяя этот момент как принципиальный, мы вместе с тем отдаем отчет в том, что тема настоящей статьи требует сосредоточения в большей степени на выявлении внутренней логики и оснований самого политического процесса в России в 1917 г.

Начнем с напоминания о классической для «социологии революции» работе Крейна Бринтона «Анатомия революции» (1938). Исследовав особенности протекания четырех «больших» революций — английской, американской, французской и русской, автор пришел к выводу о принципиальной однотипности логики революционного процесса. Речь в данном случае, конечно же, идет не о социальных задачах и целях, не о главных политических силах и акторах, но только о закономерных стадиях всех этих революций. Это сам

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. С. 5–9.

революционный переворот, движение к диктатуре все более крайних левых и, наконец, «термидор» (не как окончание революции, но как ее составная часть, ее вторая фаза). В контексте заявленной нами темы оставим в стороне соображения Бринтона о месте и значении «термидора» (весьма, впрочем, любопытные и перспективные для любого революциологического исследования) и выделим вехи, знаковые для характеристик политического процесса России в 1917 г.

Не будем вдаваться в дискуссии относительно глубины и характера социально-экономических противоречий в России начала XX в., тем более что в серьезных публикациях последних лет, при известных расхождениях в трактовке некоторых позиций³, их авторы сходятся в главном: революционный взрыв вытекал из особенностей российского «периферийного» и зависимого капитализма, характера догоняющей российской модернизации, тягот мировой войны и т.п. Все это — в условиях полнейшей неспособности правящей элиты адекватно решать нависшие над страной вызовы. «...Если шанс избежать революции в 1917–1918 гг., — метко отмечает А.В. Шубин, — у России был, то Николай II и его окружение свели этот шанс к нулю»⁴.

Сосредоточим свое внимание на динамике политического процесса «февральской республики». Ее власть, по выражению В.М. Чернова, была «диктатурой на холостом ходу»⁵. Показательна в этом смысле эволюция составов Временного правительства. Если в первом (не коалиционном еще) его составе политиков левого толка не было (за исключением лишь А.Ф. Керенского — трудовика, с марта — эсера), то формирование трех его последующих составов было отмечено неуклонным вытеснением деятелей правого толка. Более того, в кризисные дни (июнь — июль 1917 г. в Петрограде, Корниловское выступление и др.) правительство вообще удерживалось у власти только благодаря поддержке со стороны руководства центральных советов. И самое главное: если в феврале 1917 г. большевики практически не играли никакой роли в свержении царизма, и на эту роль, скорее, могли претендовать (наряду, конечно, с массовыми, во многом стихийными выступлениями рабочих) организации торгово-промышленной буржуазии, генералитет и в определенной степени иностранные посольства, то уже к июлю большевики стали обладать весом партии, могущей претендовать на власть. После же разгрома

³ См., например: *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Ленанц, 2009; *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010; О причинах русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ, 2010; *Шубин А.В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014; и др.

⁴ *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 93.

⁵ Цит. по: *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 111.

Корниловского мятежа их ведущая роль в революционном процессе (во всяком случае, в обеих столицах) вообще стала неоспоримой. Единственным воспринимавшимся лозунгом к октябрю был призыв к созданию «однородного социалистического правительства», т.е. коалиции партий, но уже на совершенно иной (невозможной в феврале) социально-политической основе. Вспомним, что первой серьезной угрозой для новой власти стал ультиматум Викжеля с подобным требованием. Последовал достаточно ощутимый для большевиков кризис советского правительства. Со стороны же правых политических сил в первые послеоктябрьские месяцы угроз сколько-нибудь сравнимого масштаба просто не возникало.

В чем причины краха «февральской альтернативы»? Казалось бы, страна получила передовую для того времени демократию, широкие (в ряде случаев, излишне широкие — распространение многих норм на действующую армию) политические и гражданские свободы? При ответе на эти вопросы нужно, безусловно, иметь в виду комплекс причин. Пьер Бауст, французский философ, заметил, что во время революционных бурь люди, едва годные для того, чтобы грести веслом, овладевают рулем. Мелкотравчатость политической элиты «февральской республики» (несоизмеримость, во всяком случае, ее политической воли и политической воли В.И. Ленина) современниками и последующими интерпретаторами была описана многократно⁶, но, безусловно, не это определяло главные пружины движения страны к Октябрю. Эти пружины определялись войной, истощавшей силы государства и в духовно мобилизующем измерении бездарно проигранной еще царизмом, и очевидной неспособностью правительства решать социальные проблемы.

Для русского мужика⁷ всегда были предпочтительными социальные чаяния. Вопросы многопартийности, свободы организаций,

⁶ «Трудно даже было представить, откуда, из каких незримых щелей, из какого подполья, из какой житейской трясины выявились на свет Божий все эти отставные телеграфисты, не кончавшие курса студенты, аптекарские ученики и сами аптекари, сельские фельдшеры, бывшие курсистки, гимназические учителя, неудачливые присяжные поверенные и их помощники, провинциальные журналисты и портные, возжелавшие любой ценой сделаться министрами, товарищами таковых или, на худой конец, хотя бы директорами департаментов... Наверное, в своей прошлой жизни все эти люди исправно служили или зарабатывали свой хлеб насущный каким-нибудь иным занятием... Жить бы и жить им так впредь и до скончания века, пробавляясь — между выпивкой, нехитрым флиртом и двумя «пульками» — разговорами о «сне золотом» и «небе в алмазах», если бы не февральская встряска, которая выбила их из привычной колеи, выбросив в самую гущу Великой Смуты, где за спиной у каждого из них вдруг загремел маршалский жезл, к несчастью, не находивший вокруг ровно никакого применения» (*Максимов В. Заглянуть в бездну. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1986. С. 36–37*).

⁷ Слово «мужик» мы употребляем отнюдь не в уничижительном значении, а в значении «крестьянин». Крестьяне составляли 80 % населения России.

парламентаризма волновали его в гораздо меньшей степени, если вообще волновали. Можно, конечно, развернуть эту констатацию в очередную иеремиаду относительно изначальной порочности отечественной политической традиции, сервизма как основы политической культуры России (подобных утверждений, к сожалению, в стране сегодня с избытком), но непреложным и действительно значимым для революционного контекста того времени остается иное. Это — жгучая потребность в обеспечении социальных прав рабочих, уже начинающих осознавать себя силой, с которой приходится считаться. Это — требование «черного передела», что и было выражено названием одной из неонароднических организаций, и свободного труда на земле.

Н.Н. Суханов едко, но достаточно точно писал об А.Ф. Керенском: «Пышно-расплывчатые фразы Керенского дышали неподдельной искренностью и искренней любовью к родине и свободе... И опять (он. — *В.К.*) был на высоте Великой *французской* революции. Но — не *русской*»⁸.

В логическом смысле именно Февральская буржуазно-демократическая революция должна была дать землю крестьянам (как это в принципиальном плане было сделано, к примеру, Французской буржуазной революцией), но ключевой вопрос о земле ею разрешен не был. Ликвидации монархии и установления ряда демократических свобод для России 1917 г. было явно недостаточно. В условиях затяжной войны громадное значение имела и потребность в скорейшем заключении перемирия и постановке вопроса о заключении демократического мира. Эсерами, как известно, была разработана привлекательная для крестьянства аграрная программа, но к ее реализации они не решились приступить даже в момент своего наибольшего политического влияния. В рядах меньшевиков заметно нарастали противоречия между оборонцами и интернационалистами, но они также не получили своего внятного политического выражения. И большевики, взяв (достаточно демонстративно) на вооружение эсеровскую программу социализации земли и дополнив ее требованиями мира «без аннексий и контрибуций», эффективно зачистили политическое пространство в своей борьбе за власть. Остается, конечно, большой и сверхсерьезный вопрос о том, как впоследствии большевики распорядились этой властью. Но вопрос это все же другой⁹. Нам же сейчас важно подчеркнуть только, что

⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М.: Республика, 1991. С. 62.

⁹ Если все-таки допустить мысль, что история имеет свои альтернативы, то можно достаточно обоснованно предположить, что если бы обусловленный логикой революционного процесса сдвиг влево советских партий нашел после Корниловского мятежа свое практическое воплощение в компромиссе между эсерами, меньшевиками

политическая инициатива февральской политической элитой была утрачена, и вопрос о реализации идеалов Февраля уже не мог рассматриваться в своих реально-практических измерениях. Целесообразность социал-либеральной коалиции после Корниловского выступления стала подвергаться не просто сомнению социалистическими лидерами (Ф.И. Дан, И.Г. Церетели, В.М. Чернов¹⁰), но и резкой критике со стороны многих видных деятелей советских партий (Б.О. Богданов, Ю.О. Мартов), однако из дискуссионной плоскости эта проблема не вышла¹¹. А после того, как на Демократическом совещании в сентябре социалисты, хотя и после крайне жестких споров внутри своих партий и организаций (766 его делегатов голосовали за сохранение социал-либеральной коалиции, 688 — против), вновь пошли в Каноссу к кадетам, когда в организованном Предпарламенте был осуществлен дальнейший сдвиг вправо, запрос на свершение радикального политического переворота стал, по удачному выражению одного из современных исследователей, реализовывать себя в формате математического закона.

и большевиками, если бы возникшее левосоциалистическое правительство приступило к немедленной реализации аграрной реформы, смягчению «рабочего вопроса» и энергичным переговорам о демократическом мире, он обеспечил бы необходимую устойчивость политической жизни, большую стабильность в международных отношениях, легитимацию Учредительного собрания. Такой вариант развития событий неизбежно вел бы и к изменению позиций большевиков, которые, разделяя как правящая (пусть в коалиции) партия ответственность за развитие страны, получали бы большую прививку от их имманентного искуса к идеологической и политической монополии. Более подробно о развитии этого тезиса см.: *Шубин А.В.* Роль политических лидеров в революционных событиях 1917 года в России // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. Материалы круглого стола. Сб. ст. М.: ГЦМСИР, 2017. С. 86–100.

¹⁰ Осенью 1917 г. В.М. Чернов писал, что коалиционное правительство «висит в воздухе», что «сейчас массы тянутся именно к социалистическим лозунгам и партиям, а следовательно, пришел их исторический черед — показать свою способность спасти родину и революцию» (Цит. по: *Юрьев А.И.* Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М.: Кучково поле, 2011. С. 103–104).

¹¹ Показательна позиция большевиков этого периода. 31 августа ими была предложена ЦИКу составленная Л.Б. Каменевым резолюция «О власти». Тональность ее была явно компромиссной в отношении меньшевиков и эсеров, которые в лице многих авторитетных своих лидеров (не говоря уже о позиции низовых провинциальных организаций) многократно ставили вопрос о необходимости смены власти на основе отстранения от нее цензовых элементов. В.И. Ленин, отличавшийся, как известно, крайней непримиримостью к идейным противникам, публикует за короткое время серию статей, начинавшуюся работой под примечательным названием «О компромиссах». И лишь 12 сентября, после отказа ЦИК утвердить резолюцию большевиков и выяснения общей позиции руководства социалистических партий, В.И. Ленин формулирует вывод о необходимости взятия власти большевиками через вооруженное восстание. А после отклонения достаточно примирительных предложений большевистской делегации на Демократическом совещании (14–22 сентября), где в числе основных ораторов был и Л.Д. Троцкий, последний также резко радикализирует свои позиции и энергично приступает к организации вооруженного переворота.

Мы, собственно, подошли в своих рассуждениях ко второму заявленному нами вопросу: а не является ли ложной сама эта дилемма «Февраль — Октябрь», если, конечно, не иметь в виду сугубо теоретический срез этой проблемы? Так вот, мы склоняемся к ответу, что эта дилемма, если оценивать характер политических событий 1917 г., стремительно переставала быть единственной или даже центральной и была наполнена определенным содержанием лишь до лета. «Октябрь», образно говоря, начался уже в этот период — с раздела помещичьих земель, поджогов помещичьих усадеб, братания на фронте, глухого недовольства и прямых выступлений рабочих и солдат.

Реальная антибольшевистская альтернатива воплощалась уже не в духе Февраля, а концентрировала себя на ином полюсе. Современные защитники «февральской республики», как это ни парадоксально, невольно для себя выстраивают логику своих рассуждений на постулатах сталинистской историографии. Именно в «Кратком курсе ВКП(б)» утверждалось: направление главного удара — меньшевики и эсеры. Так ли это было на самом деле, и как оценивали действительную ситуацию большевики 1917 г., в том числе и признанный лидер партии В.И. Ленин?

В статье «Русская революция и гражданская война», написанной после разгрома Корниловского выступления, Ленин прямо утверждал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к советам сделали бы гражданскую войну в России невозможной»¹². Эсеров и меньшевиков он упрекал в другом: на страну надвигался голод, росла безработица. И это при наличии достаточных запасов хлеба, при растущих потребностях милитаризируемой военными обстоятельствами экономики. Ни Церетели, ни Черновы лично не виновны в этом, писал Ленин, но они виновны в бездействии, в неспособности остановить надвигающуюся катастрофу, расчищая тем самым дорогу «российским Кавеньякам».

Уже к лету 1917 г. зримо обозначилась альтернатива правой диктатуры, утверждения во власти «партии порядка» в разрушающейся стране. Идея новой твердой власти, мысль о необходимости наделения диктаторскими полномочиями «сильного человека», которого нужно искать прежде всего в военных кругах, открыто прозвучала уже на IX Съезде партии кадетов и II Всероссийском торгово-промышленном съезде. На Государственном же совещании 12–15 августа (около 2,5 тыс. участников — представители торгово-промышленных кругов и банков, армии и флота, земств, профсоюзов, интеллигенции,

¹² Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34: Июль — октябрь 1917 г. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 222.

депутаты Государственной Думы всех созывов, делегация ВЦИК и пр.) эта идея приобрела уже черты серьезной политической альтернативы Временному правительству. И эти требования были услышаны: 25 августа Л.Г. Корнилов двинул войска на Петроград.

Мы хотим подчеркнуть, что основные узлы натяжения в политической сфере завязывались уже не только и, может быть, даже не столько вокруг дилеммы «Февраль — Октябрь», сколько в требовании диктатуры — левой или правой. Или охлократии, т.е. разрушения всех скреп российской государственности.

Это утверждение мы можем подкрепить следующими соображениями. Гражданская война, которая, конечно же, должна рассматриваться как часть русской революции, стала своего рода аргументом в пользу логики политического процесса «февральской республики». Первое значимое сопротивление новой власти было оказано со стороны политических сил февральской формации. Сначала в мирных формах — Учредительное собрание, затем в вооруженном сопротивлении — Савинков, Комуч, Уфимская директория и пр. (мы говорим здесь только о внутренних очагах, опуская сложные перипетии, связанные с Брестским миром, интервенцией и т.п.) Да, серьезную тревогу у большевистской власти вызывало положение дел в казачьих областях, да, на антибольшевистской платформе стали консолидироваться национальные движения, но это не было выражением «кавеньяковской» альтернативы. Формирующуюся Корниловым Добровольческую армию не приняли казаки Дона, при переходе на Кубань ее вполне основательно трепали отряды полуанархической конницы Сорокина.

И все же в историю, в историческую память Гражданская война вошла как война между красными и белыми. В своей замечательной книге «В тупике» В. Вересаев говорил о трагедии демократической интеллигенции ее же словами — выбор только один: большевики либо добровольцы. Идейные наследники Февраля были растерты этими двумя жерновами. Причем если большевики первоначально действовали в стиле «караул устал», то Колчак, разогнав Уфимскую директорию осенью 1918 г., с самого начала продемонстрировал свое стойкое отвращение ко всяким сантиментам. И хотя «февральская» альтернатива в известном смысле еще не раз напоминала о себе (Кронштадт, Тамбовское восстание и др.), и напоминала настолько грозно, что В.И. Ленин, как известно, в 1921 г. характеризовал ситуацию как самый глубокий внутренний политический кризис советской власти, после ожесточений Гражданской войны, коренного изменения в балансе сил шансов на реализацию эта альтернатива уже не имела.

Таковы факты. И хотя эти факты нуждаются, конечно же, в своем внятном оценочном сопровождении и интерпретации, нужно все же отталкиваться от них, а не от неких умозрительных конструкций сослагательного толка.

2017 г. — год столетия русской революции. Дискуссия развернута, и это правильно. Нам нужно наконец-то определиться в отношении стержневых вех нашей истории, сложных и объемных. Но это наша история, и Россия — это наша страна, со всеми ее трагическими изломами, со всеми ее великими достижениями.

ЛИТЕРАТУРА

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Ленанц, 2015.

Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009.

Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 34: Июль — октябрь 1917 г. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 214–228.

Максимов В. Заглянуть в бездну. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1986.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010.

О причинах русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М.: Республика, 1991.

Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014.

Шубин А.В. Роль политических лидеров в революционных событиях 1917 года в России // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. Материалы круглого стола. Сб. ст. М.: ГЦМСИР, 2017. С. 86–100.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004.

Юрьев А.И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М.: Кучково поле, 2011.

REFERENCES

Grinin, L. E.; Korotaev, A. V.; Malkov, S. Iu. (eds.) *O prichinakh russkoi revoliutsii*. Moscow: LKI Press, 2010.

Hobsbawm, E. *Epokha krainostei. Korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991)*. Moscow: Nezavisimaia gazeta, 2004.

Iur'ev, A. I. *Esery na istoricheskom perelome (1917–1918)*. Moscow: Kuchkovo pole, 2011.

Kagarlitskii, B. Iu. *Periferiinaia imperiia: tsikly russkoi istorii*. Moscow: Lenants, 2015.

Konovlova, O. V. *V. M. Chernov o putiakh razvitiia Rossii*. Moscow: ROSSPEN, 2009.

Lenin, V. I. “Russkaia revoliutsiia i grazhdanskaia voina,” Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 34: Iiul’ — oktiabr’ 1917 goda. 5th ed. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1969, pp. 214–228.

Maksimov, V. *Zaglianut’ v bezdnu*. Paris; New York: Tret’ia volna, 1986.

Mironov, B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperской Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow: Novyi khronograf, 2010.

Shubin, A. V. “Rol’ politicheskikh liderov v revoliutsionnykh sobytiiah 1917 goda v Rossii,” *100 let Velikoi rossiiskoi revoliutsii: osmyslenie vo imia konsolidatsii. Materialy kruglogo stola: Sbornik statey*. Moscow: GTsMSIR, 2017, pp. 86–100.

Shubin, A. V. *Velikaia rossiiskaia revoliutsiia: ot Fevralia k Oktabriu 1917 goda*. Moscow: Rodina MEDIA, 2014.

Sukhanov, N. N. *Zapiski o revoliutsii*, Vol. 3. Moscow: Respublika, 1991.